

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Антироман Б.Ф. Шлёцера: бунт, творчество, свобода
Ворожихина Ксения Владимировна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Философский факультет, Москва, Россия
E-mail: suhojlistik@mail.ru

Борис Фёдорович Шлёцер (1881-1969) сделал себе имя во Франции как музыкальный и литературный критик, блестящий переводчик; в меньшей степени он был известен как писатель и мыслитель. Благодаря переводам Шлёцера для западного читателя была открыта русская литература (Гоголь, Толстой, Достоевский, Лесков) и русская философия: он перевел большую часть работ Льва Шестова. Борис Шлёцер был тем, кто, по утверждению Ива Бонфуа, «ввел Шестова во Францию и перевел его» [Баранова-Шестова, 1983, с. 313]. Однако он был не просто переводчиком. Шестов ценил статьи Шлёцера о себе, поскольку чувствовал, что проблематика его философии близка Шлёцеру.

Борис Шлёцер родился в Витебске, учился в Париже и Брюсселе. В 1921 году он, как и многие, покидает Россию и оседает в Париже.

Шлёцер является автором многочисленных музыкально- и литературно-критических рецензий и статей, им были написаны монографии о Скрябине, Стравинском, Бахе, Гоголе. Шлёцер создал всего два литературных произведения – фантастическую новеллу «Секретный доклад» и роман «Мое имя никто». Они являются последними работами Шлёцера и свидетельствуют о возрастающем интересе автора к философским и метафизическим вопросам. Основными темами, занимающими его в этот период, являются проблемы личности, смерти и бессмертия, кроме того в романе затрагивается вопрос отношения автора и произведения, вымысла и реальности.

Роман «Мое имя никто» вписывается во французский литературный контекст 60-х годов и является примером так называемого «нового романа» или антиромана. Основной идеей антироманистов является освобождение – от автора, персонажей и сюжета. Свою задачу представители этого направления видели в очищении восприятия от шаблонов и стандартов. Они полагали, что в реальности нет тайны и глубины - она дана нам как явление, за которым нет скрытой сущности.

Автор традиционного романа прописывает характеры персонажей, наделяя их индивидуальностью, он имеет замысел относительно развития событий и направляет сюжет в соответствии с ним, то есть автор выступает суверенным творцом, трансцендентным по отношению к миру вымысла, к миру своего произведения. Сюжетный роман является историей, направление и смысл которой задает автор.

Совершенно иную ситуацию мы видим в произведении Шлёцера. Текст романа «Мое имя никто» не представляет собой упорядоченного повествования, он состоит из фрагментов «дневника писателя» и отрывков из его романа.

84-летний старик, ощущающий приближение смерти и бегущий от болезненных воспоминаний, создает вымышленную реальность - реальность своего романа, сюжет которого не отличается новизной. Борьба со смертью является одним из импульсов его

творчества. Смерть, считает он, является свидетельством несвободы человека, она указывает на естественную необходимость, которой покоряется человек. Другой движущей силой его творчества является желание забвения, которое возможно только при условии отсутствия вечного и неизменного Бога.

Эфемерная реальность романа становится для автора действительностью, в которой нет ничего невозможного, где он оказывается свободным и заново переживает давно утраченные эмоции и чувства. Сила человека, считает автор дневника, заключается в его творческой способности, преодолевающей несвободу. Творчество создает иллюзорную действительность, которая и оказывается истиной человека. Искусство и искусственное – это, считает старик, естественная среда для человека. Человеческое заключается в том, чтобы отрицать природное: «Человек в той мере человек, ... насколько он не натурален. Это его природа как природа человека; это естественно для него быть неестественным» [Schloezer, 1969, с.18]. Искусство – это бунт против смерти и попытка преодолеть ее.

Автор дневника в определенный момент оказывается персонажем своего произведения: его герои - влюбленная пара Жан и Анна - посещают его в больнице и даже читают рукопись романа, действующими лицами которого они являются. После этой встречи и автор, и герои остаются в недоумении.

Автор начинает осознавать, что Жан и Анна оказывают влияние на него самого, вместе с развитием сюжета романа изменяется и он сам. Более того, ему начинает казаться, что его персонажи более реальны, чем он, что вымысел более истинен, чем реальность. Автор, так же как и сотворенные им герои, не знают, как будут развиваться события: «Кто руководит сюжетом? Я или Жан? Кто такой Жан? Является ли он прообразом меня самого? Я его изменяю или он изменяет меня?... Может, он — это мое я, с которым я ранее не сталкивался, которое я не знал до этого?» [Schloezer, 1969, р.72]. Отношение между автором и его героями переворачивается: не он творит их, но они – его. Старику кажется, что грань между произведением и реальностью стерлась.

В романе присутствуют рассуждения о Боге. Старик-автор утверждает, что человек нуждается в Боге. Но в каком Боге? Если Бог – это первопринцип, если это Абсолют или Истина, которым нужно принести в жертву «даже жизнь, даже любовь» [Schloezer, 1969, р.83], то такой философский Бог чужд человеку. Тот Бог, о котором тоскует человек, – это живой Бог, к которому человек обращается со своими чаяниями, желаниями и надеждами, против которого он восстает и бунтует; это не трансцендентный Бог, но участвующий в человеческом бытии - это личность свободная и страстная. Бог, заключает автор дневника, есть образ и подобие человека, и, вероятно, именно от человека зависит Его существование. В таком ключе старик интерпретирует смерть Бога, о которой говорил Ницше – она оказывается смертью человека такого, как он есть сейчас: «Если Бог мог умереть, значит, он может возродиться, но это будет новый Бог нового человека...» [Schloezer, 1969, р.84] Таким образом, в размышлениях автора искажаются отношения между Творцом и тварью.

Роман Шлёцера содержит автобиографические элементы. Жан, главный герой романа «Лук Купидона», так же как и Шлёцер, является выходцем из России. Жан называет себя другом и учеником философа Льва Шестова, от идей которого необходимо отказаться, чтобы остаться ему верным (эту мысль Шлёцер высказывал в письме Шестову [Переписка... , 2011, с.49]).

Роман заканчивается тем, с чего начался - с дневниковой записи 84-летнего старика, задумавшего написать роман. Возможно, это начало альтернативной версии развития событий, возможно, это новая редакция незавершенного романа, возможно, это символ забвения.

Литература

1. Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Paris, 1983. В 2-х тт.
2. Переписка Льва Шестова с Борисом Шлецером. ИМКА-Пресс, 2011.
3. Schloezer V. de. Mon nom est personne. Paris, 1969.